

Константин Соловьев

“ВО ВКУСЕ УМНОЙ СТАРИНЫ...”

Усадебный быт российского дворянства
II половины XVIII – I половины XIX веков,
по воспоминаниям, письмам и дневникам.

Константин Соловьев «Во вкусе умной старины...»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2595245
Во вкусе умной старины...: izdat-knigu.ru; 2011
ISBN 978-1-4581-7520-5

Аннотация

Первый раз, когда открываешь эту книгу, бросается в глаза выражение «во вкусе».

Сразу возникает вопрос – в каком таком «вкусе» и почему «умной старины»?

Оказалось, что это весьма удачное название для книги, в которой рассказывается о том, как организовывали свой домашний быт люди, жившие в нашей стране в позапрошлом веке. Точнее сказать, речь в книге идет о конце XVIII – начале XIX веков.

Содержание

Деревня, усадьба, подмосковная	4
Очерк I	7
Очерк II	11
Очерк III	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Константин Соловьев

"Во вкусе умной старины..."

Деревня, усадьба, подмосковная (вместо введения)

Усадебная жизнь русского дворянства – удивительный культурный феномен, строго ограниченный во времени и пространстве. Это наше отечественное явление, возросшее на российской культурной почве и подпитываемое живой национальной традицией. Но это еще и отечественный вариант общеевропейской культуры рубежа XVIII–XIX веков.

Усадьба, как особая разновидность загородного дома, появилась, видимо, в XVII веке. Тогда существовали две основные формы феодальных владений: вотчина и поместье. Вотчины – родовые земли бояр – находились в полной их собственности и служили основой их богатства и могущества. К началу XVII века бояре добились важнейшей для себя привилегии: вотчинные земли опальных и казненных бояр должны были оставаться в семье, а не забираться в «казну», что еще более отделило вотчины от поместий, даваемых дворянам только за службу и только на время службы.

В отличие от крупных европейских феодалов, бояре не жили в своих вотчинах. И на Руси не было феодальных замков. Центр интересов российских бояр – город. Тут велась торговля всем, что производилось в вотчине, здесь же – государственные должности, приносящие почет и дополнительную прибыль. А управлением многочисленных боярских владений занимались наместники, часто – грамотные холопы.

Усадьба же появилась как некое дополнение (и отчасти замена) вотчине. Она давалась во владение крупным чиновникам, живущим в столице, чтобы длительные отлучки в родовые имения не отвлекали важных людей от их государственных забот. Иногда на полученных подмосковных землях строился боярский дом, где боярин "усаживался" как в городе – с двором и дворней, амбарами и промыслами, приносящими доход. Но постоянно там не жили и там. В усадьбах «гостили»: приезжали на пару недель присмотреть за хозяйством и отдохнуть. Боярские подмосковные не держались в семье подолгу: смерть боярина, опала, перемена власти – и пожалованное имение отбиралось, переходило к другому приближенному.¹

Дворяне же – помещики, обязанные являться по требованию царя на военную службу «конно, людно и оружно», в перерывах между войнами и призывами на смотр, жили в своих деревеньках. Но особой «поместной» бытовой культуры ни в XVI, ни в XVII веке не выработалось. Жизнь поместных дворян во всех ее важнейших проявлениях (дом, одежда, язык, еда, питье, взгляды и привычки) практически ничем не отличалась от жизни богатых крестьян, однодворцев, или управляющих боярскими вотчинами.

Петр I в своем стремлении поставить все сословия на службу государству «выдернул» бояр из родовых гнезд, а дворян из их поместий (покидать которые «для-ради» царской службы им становилось все труднее). Попутно он уничтожил разницу между вотчиной и поместьем, и сохранил за дворянским владением лишь одну функцию: обеспечивать дворянина – офицера или чиновника – всем необходимым на протяжении его пожизненной

¹ Подробности об эволюции понятия «усадьба» в XVI–XVIII вв. см.: ТИХОНОВ Ю.А. Подмосковные имения русской аристократии во второй половине XVI – начале XVIII вв. // Дворянство и крепостной строй России в XVII – первой пол. XIX в. М., 1976. ВОДАРСКИЙ Я. Е. Дворянское землевладение в России. М., 1988; ШЕРЕДЕГА В.И. Древнерусская подмосковная усадьба XVI – XVII вв. //... в окрестностях Москвы. Из истории русской усадебной культуры XVII–XIX вв. Гл. 1. М., 1979.

службы Отечеству. Вот тогда и началась новая история усадьбы – деревенского дома городского (по своим взглядам и привычкам) человека. Два поколения дворян не имели возможности жить в своих поместьях. За это время они усвоили (частично) европейские знания быта и привычки, но не успели забыть, что их настоящий, их подлинный дом – в деревне.

В 1736 году срок службы дворянина был ограничен 25 годами, и сорокалетние отставники могли спокойно отправляться в сельские дома доживать свой век. В 1762 году император Петр III "Указом о вольности дворянства" освободил их от обязательной государственной службы. Жизнь дворянина стала его частным делом и постепенно начала перемещаться поближе к источникам дохода, туда, где жить проще и дешевле – в деревню. К этому времени дворянское сословие устоялось, перемешались вотчинники и помещики, новые и старые дворяне. Официально дворянство делилось на четыре категории: титулованные, столбовые, выслуженные и личные. Первые три представляли собой плотно сшитую родственными и служебными связями материю. По большому счету все сколько-нибудь известные в нашей истории дворянские фамилии находились друг с другом пусть в отдаленном, пусть полумифическом, но родстве. Их быт с середины XVIII века усредняется и типизируется: постепенно уходит в прошлое непомерная роскошь вельмож и полукрестьянская жизнь мелких помещиков.

«Жалованная грамота дворянству» подписанная императрицей Екатериной II в 1785 году, закрепила за ними право создавать дворянские общества, избирать уездных и губернских предводителей. С этого времени, провинциальное дворянство постепенно превращается в «собрание людей (...) связанных сознанием общих интересов, имеющее определенные права и обязанности, имеющее цели, выходящие из уровня только обыденных хозяйственных, домашних забот»².

Массовое строительство усадеб началось в 60-е – 80-е годы XVIII века, «когда их владельцы не только прочно оседают в своих поместьях, но и обращают больше внимания на развитие сельского хозяйства...»³. При этом в деревню вернулось совсем не то дворянство, какое уходило на государственную службу полвека назад. Оно прошло через войны и победы, узнало столицу и границу, получило образование и значительно расширило свой кругозор. Можно сказать, что из деревни ушло русское дворянство, а вернулось – европейское. Новый опыт (государственной службы и европейских привычек) совмещенный с традициями русской деревенской жизни и сформировал уникальную культурную среду – дворянскую усадьбу.

Возвращаясь в деревню, дворянство не собиралось забывать о своей роли в обществе и о своем призвании к государственной службе. Частная жизнь по-прежнему не имела самостоятельного значения⁴. Не служить (в гвардии, в армии, на флоте или уж, так и быть, «на гражданском поприще») считалось не престижно и неприлично. Поэтому усадебная жизнь делилась на два периода: детство как приготовление к службе и отставка как воспоминание о службе. Отдав долг Отечеству, дворянин должен был выполнить свои обязанности перед семьей и своим родом. Понятия дворянской и родовой чести в усадебной жизни не только не отмирали, но и обретали гораздо большее значение, чем на службе.

² ЧЕЧУЛИН Н.Д. Русское провинциальное общество во второй пол. XVIII в. СПб., 1889. С. 88–89.

³ ИЛЬИН М.А. К вопросу о русских усадьбах XVIII в. // Русский город. Вып. 4. М., 1981. Цитируемый автор относит эти действия к самому началу 80-х гг. Однако есть и другая точка зрения, согласно которой массовое строительство усадеб началось уже в 60-е годы XVIII в. См. напр.: «... в окрестностях Москвы». С.139.

⁴ «Самодовлеющая ценность чина, ранга, должности, титула во всех сферах жизни дворянства (...) характеризовали сознание господствующего класса как сословно-статусное по своим жизненным ориентациям». – МАРАСИНОВА Е.И. Русский дворянин второй половины XVIII в. (социо-психология личности). // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1991. № 1 С. 22.

Быт русской дворянской усадьбы был сложным. В нем переплетались разные традиции и влияния. Многие дворянские семьи переезжали в деревню на лето, а зиму предпочитали проводить в городе. Широкое распространение этого обычая привело к появлению «подмосковных» – деревень (и усадеб) приобретаемых специально для летней жизни. «Городские» по своей природе привычки и условности отчасти переносились в деревню. Однако решающее воздействие на образ жизни в усадьбе оказывали другие факторы. Это русская природа средней полосы (лес, поле, речка) и связанные с ней удовольствия и развлечения. Это хозяйственные заботы. Это постоянное общение с крестьянами. Это тесный круг соседей и родственников, вне которого немыслима деревенская жизнь.

Но была и еще одна особенность, определившая своеобразие быта русских помещиков конца XVIII – начала XIX веков: бесплатный труд крепостных. Недаром в середине прошлого века, еще при крепостном праве, но уже в пору кризиса крепостного хозяйства, культура дворянской усадьбы начинает разрушаться, и очень быстро – за 10–15 лет – изменится почти полностью. Отмена крепостного права и технический прогресс довершили начатое разрушение. В 1839 году маркиз де-Кюстин, путешествуя по России, еще застал все приметы старого барства, а в 1852-54 годах, когда Д. Благово записывал «Рассказы бабушки», черты усадебного быта воспринимались уже как бесконечно далекая старина. Прошло еще 15–20 лет и разрушение старого усадебного быта стало необратимым. На смену прежним барам пришли «новые помещики» – заводчики и дачники.

Очерк I Переезд

Переезд в деревню – событие, повторяющееся каждый год, но не перестающее от этого быть Событием. Городская застава была той границей, за которой человек менялся, и менялся очень существенно. Дух горожанина – театрала, любителя банкетов и светских развлечений – в деревню не проникал. Он оставался бродить по комнатам опустевшего городского дома вместе со сквозняками и парой оставленных слуг. Он шуршал «в шкапу» городской одеждой и, отражаясь в пыльных зеркалах, ждал декабря. В деревню ехал сельский житель: рачительный хозяин, лично наблюдающий за полевыми работами; строгий господин своих крестьян, беспристрастно разбирающий жалобы и споры; сентиментальный любитель природы и сельских видов; страстный охотник и уставший от светской жизни любитель сельской простоты.

Реальная простота, дешевизна деревенской жизни имела большое значение для той части дворянства, которая именовалась мелкопоместной. Для них – владельцев лишь нескольких десятков крестьянских душ – столичная и, в целом, городская жизнь была разорительна. А жизнь в Москве с ее барством и хлебосольством разорительна вдвойне⁵.

Превращение городского жителя в сельского происходило в дороге. Но и сама дорога означала иную, совершенно особенную жизнь. Современный человек почти не живет в пространстве. Мы ценим время, а в пространстве только перемещаемся, стараясь делать это быстро и незаметно. Но 200 лет назад ужать пространство до нескольких часов было невозможно. В нем приходилось устраиваться. Сравнительно быстрый способ перемещения – на почтовых, с переменой лошадей на каждой станции, в частной жизни мог быть пригоден разве что для Хлестакова – «сосульки и вертопраха» в чине коллежского регистратора. При крайней необходимости так добирался к умирающему дядюшке Евгений Онегин. Почтовых лошадей подавали «по чинам», в первую очередь курьерам и чиновникам, путешествующим «по казенной надобности». Отставной поручик, едущий по собственной надобности, мог дожидаться свободных лошадей и неделю, бранясь со станционным смотрителем, кляня тараканов, скучая и радуясь любому новому лицу. Помещику же, выезжающему из города со множеством вещей, перевозимых в «подмосковную» тащиться на почтовых было совсем не с руки. Поэтому в деревню ехали «на долгих» – на своих. А «долгими» они назывались потому, что груженные экипажи никто не гнал, лошадям давали отдохнуть на каждой станции. Путь мог быть и близок, да долог по времени.

Итак. За неделю или больше до отъезда начинались сборы: готовились вещи и еда в дорогу, приводился в порядок городской дом, подновлялись экипажи. Из деревни вызывались лошади, на дорогу закупался корм. Отъезжали, чаще всего, после Николина дня, то есть 9 мая⁶. На то были свои причины. Во-первых, лошади. Помещик Иванчин-Писарев для переезда в деревню использовал 21 лошадь⁷. Помещика Головина – 76 лошадей⁸. Бывали «поезда» и побольше. Забрать такое количество лошадей из деревни в апреле – значит сорвать сев. Значит надо ехать либо до полевых работ, либо в их промежутке. Княгиня

⁵ «Итак, мы перебрались в Москву, где жили в доме князя (Урусова – авт.), летом ездили с ним в деревню его Александровское (иначе Долголядьё). Сим только способом родители мои могли употребить свои доходы, состоящие из 5000 р., на наше воспитание, крайне умеряя себя во всех своих издержках». – МУРАВЬЕВ-КАРСКИЙ Н.Н. Записки. // Русские мемуары. 1800–1825. М., 1989. С. 76.

⁶ БЛАГОВО Д. Рассказы бабушки. Л. 1980. С. 49.

⁷ Там же. С. 81.

⁸ ШУБИНСКИЙ С.Н. Очерки из жизни и быта прошлого времени. XVIII – начало XIX в. СПб., 1888. С. 138.

Дашкова, не желавшая жить в Москве подолгу, уезжала в Подмоскovie в марте – по санному пути. Большинство же помещиков отправлялись в деревню в мае, когда сев заканчивался.

Во-вторых, Москва так просто не отпускала. Первого мая в Сокольниках, «в немецких столах», еще со времен Петра I проходило самое престижное гулянье – в экипажах. Вот как описывает его очевидец:

«Сколько народу, сколько беззаботной, разгульной веселости, шуму, гаму, музыки, песен, плясок... сколько щегольских модных карет и древних, пра-прадедовских колымаг и рыдванов, блестящей упряжки и веревочной сбруи, прекрасных лошадей и претящих кляч, прелестнейших кавалькад и презалких донкихотов на презалчайших росинантах!»⁹

На следующий день, 2 мая, назначались скачки с участием лучших московских наездников. Пропустить этот праздник – все равно, что потерять год: себя не показать, других не увидеть. Поэтому и ждали до мая: сначала гулянье, потом – отъезд.

В-третьих, апрельские дороги были, как бы это сказать, не для путешествий. Шоссе в России было только одно – из Петербурга в Москву. В XVIII веке оно было покрыто широкими и толстыми досками, в начале XIX-го – щебнем. Остальные дороги были грунтовыми. Путешествие по ним в весеннюю распутицу выглядело, судя по письму Марты Вильмот, так:

«Лавируя, карета продвигалась вперед почти без дороги (если не считать колеи, оставленной небольшими грязными повозками), и нас било, вертело, трясло, стучало, бросало из стороны в сторону. Вдруг лошади поднялись на дыбы, рванули – и мы все до единого очутились в болоте... с которым мы сражались в течение 5 часов под звон московских колоколов»¹⁰.

А вот другое описание весенних дорог: на Пасху 8 апреля 1778 года компания московских дворян отправилась в поместье графа Орлова Остров. «Дорогою была великая грязь, и переломилась ось» – меланхолически записал один из путешественников¹¹.

В-четвертых – реки. Путешествующий в апреле «по казенной надобности» А.М. Фадеев переправлялся через Оку: «Мы должны были пересидеть целый день в отвратительной грязной мужичьей избе в ожидании, пока разойдется лед»¹². Те же, кто ехал по своим делам пережидать ледоход предпочитали в городе.

Отъезд в деревню сопровождался определенным ритуалом. Чаще всего – молебном. Иногда отъезду предшествовало поклонение святым мощам в кремлевских храмах. Внешний вид «поезда» – поставленных друг за другом различных экипажей – зависел, помимо обеспеченности помещика, от меры удобств, которым он хотел располагать в дороге, его официального положения и личных привычек. Перед двадцатью экипажами помещика Головина везли чудотворную икону Владимирской Божьей Матери¹³, а страстный охотник Нащекин окружал свой обоз одетыми в гусарские костюмы конными лакеями, впереди пускал слугу с трубой, подававшего сигналы к остановке и продолжению движения поезда¹⁴. Граф Бутурлин ездил в свое село Белкино отдельно от семьи, в сопровождении двух камердинеров, библиотекаря, доктора или живописца¹⁵.

Обычно дворянин ездил в карете, запряженной двумя – шестью лошадьми цугом (то есть друг за другом или пара за парой), с фореитором и лакеями на запятках. Обычай этот

⁹ ЖИХАРЕВ С.П. Записки современника. Т.1. Л., 1989. С. 81.

¹⁰ Письма сестер М. и К. Вильмот из России. С. 274.

¹¹ Похождения монаха Палладия Лаврова. // Русский архив. 1878. Кн. 2. № 8. С. 449.

¹² ФАДЕЕВ А.М. Воспоминания. // Русский архив. 1891. Кн. 2. С. 29.

¹³ ШУБИНСКИЙ С.Н. Указ. соч. С. 138.

¹⁴ НАЩЕКИН П.В. Воспоминания. // Прометей. № 10. М. 1974. С. 289.

¹⁵ БУТУРЛИН М.Д. Записки. // Русский архив. 1897. Кн. 1. С. 238.

утвердился к концу XVIII века. Еще в 60-е годы этого столетия, как писал А.Т. Болотов, в провинции карет почти не было. У него самого «было две старинных и староманерных коляски, из коих одна была большая четвероместная, но с какою и показаться никуда было не можно, а другая, такая же и поменьше, и полегче, и так как бы визави, двухместная и образом своим не лучше первой»¹⁶. А в начале XIX века карета стала обязательной принадлежностью дворян, и даже «всякий, чуть маломальский поразжившийся чиновник в подражание дворянству, прежде всего, обзаводился каретою, таков был уж обычай»¹⁷.

У зажиточного помещика отдельная карета или фаэтон был для каждого члена семьи. Мелкопоместные располагались в линейях (или линейках) – шести-восьмиместных экипажах «с подобием крыши и занавесками от дождя», которые тащили шесть – восемь лошадей. В богатых семействах в линейках размещали воспитанников и воспитанниц, учителей и гувернеров, камердинеров и камеристок. Вся дворян – главным образом сенные девушки, ехали в бричках и фурах, нагруженных всем, что может понадобиться в дороге. Так что для поездки «на долгие» нужно было готовить самое малое 3 экипажа, а чаще – около десятка. Гордость помещика составляли особенные экипажи, каких не было ни у кого другого. У Нащекиных 16 лошадей тащили буфет: «видом... огромный, квадратный кованный сундук на колесах»¹⁸. В этом буфете везли дорожный серебряный сервиз и вина «на льду». В обозе княгини Дашковой был свой «сундук» на колесах. На стоянках он раскладывался в кровать¹⁹. В семье Д.Н. Толстого в обоз включали пустые легкие дрожки – для переезда через мосты, «когда грязь мешала делать это пешком»²⁰.

В карете через мост не переезжали из соображений безопасности. Русский национальный способ переезжать мелкие реки и овраги дрожащей рукой описал маркиз де Кюстин:

«Вначале спуска лошади идут шагом, но вскоре, обычно в самом крутом месте, и кучеру и лошадям надоедает столь непривычная сдержанность, повозка мчится стрелой со все увеличивающейся скоростью и карьером, на взмыленных лошадях, взлетает на мост, то есть на деревянные доски, кое-как положенные на перекладины и ничем не скрепленные... Одно неверное движение кучера – и экипаж может очутиться в воде. Жизнь пассажира зависит от акробатической ловкости возницы и лошадей»²¹.

Если же брички в поезде не было, а грязь наличествовала, слуги несли господ на руках²².

В подмосковную ехали не торопясь: 25 верст преодолевали за 3 дня, сто – за неделю²³. По ровной дороге лошадей могли пустить рысью, в гору – шагом. Иногда прогуливались по лесу, по берегу реки. Через 10–15 верст делали остановку. Для этого заранее отправляли брички с кухней и припасами. В холодную погоду располагались на постоялом дворе, в теплую – на природе. И в том, и в другом случае еда была своя. Вот примерный перечень заготовленного в дорогу: жареные телятина, гусь, индейка, утка, пироги с курицей и фаршем, сдобные калачи, запеченные с целыми яйцами²⁴. В какой-нибудь соседней деревне покупали молоко, сливки, хлеб, гусей или кур. В красивом месте ставили палатку – полотняную с

¹⁶ БОЛОТОВ А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. Т. 2. М., 1931. С. 281.

¹⁷ СЕЛИВАНОВ В.В. Сочинения. Т. 2. Владимир, 1902. С. 73.

¹⁸ НАЩЕКИН П.В. Указ. соч. С. 290.

¹⁹ Письма сестер Вильмот... С. 264.

²⁰ ТОЛСТОЙ Д.Н. Черты старинной помещичьей жизни. Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 г. Воронеж, 1894. Отд. III. С. 35.

²¹ КЮСТИН Астольф де Николаевская Россия. М., 1990. С. 217.

²² СМЕРНОВА-РОССЕТ. А.О. Воспоминания. Письма. М., 1990. С. 43.

²³ ТОЛСТОЙ Д.Н. Указ. соч. С. 36.

²⁴ СЕЛИВАНОВ В.В. Указ. соч. С. 127.

деревянными рамами. Внутри располагали ковры, стулья, столы и кресла. Ночевали в экипажах или в особых «калмыцких» палатках из войлока²⁵.

Неторопливое продвижение дворянского поезда со всем необходимым для жизни в нем подчеркивало частный характер данного действия. Ехал свободный человек, на своих лошадях и в свое поместье. Ему не надо бить кучера в шею, не надо зависеть от станционных смотрителей, не надо завидовать важным персонам, в проносящихся вихрем экипажах. Он отделен от государства, он даже не едет, а живет в дороге так, как ему нравится. Впереди – усадьба, где свободы меньше и где высока мера ответственности – за себя, за семью, за крестьян. Вот обелиск, обозначающий границу поместья, вот еще один – у въезда во двор, вот липовая аллея. Приехали. Дома.

²⁵ БЛАГОВО Д. Указ. соч... С. 84.; ТОЛСТОЙ Д.Н. Указ. соч. С. 30; НАЩЕКИН П.В. Указ. соч. С. 291.

Очерк II Дом

Помещичья усадьба – это целый мир, причем мир замкнутый, цельный, самодостаточный. Это небольшая страна. В нем есть все, что необходимо стране: территория и границы, реки, леса, поля и пашни, население и власть, экономика и культура. Каждый элемент усадьбы входил в нее по принципу необходимой достаточности, то есть так, чтобы сделать усадьбу полной, завершенной. Помещик мог пять лет строить церковь, десять лет не отделывать почти готовый дом, но беседку он построит обязательно, и назовет ее «Приют уединения», и посадит аллею к ней, потому что без этого мир его будет «неправильный», не помещичий, недворянский.

До середины 18 века дом дворянина был именно домом, жилищем, устроенном не напоказ, а для себя, удобно и традиционно. В России издревле обживали не столько дом, сколько двор, где были и все хозяйственные постройки, и огород с садом. Сам дом не имел при этом самостоятельного значения. И еще в конце XVIII века, особенно в провинции, усадьбы «хозяйственного типа» не были редкостью. Они описаны И.Е. Забелиным: жилая комната представляет собой «избу», построенную вторым этажом над нежилым подклетом, имеет большие «красные» окна, теплый насыпной земляной потолок и печку. Если изб было несколько, они соединялись сенями в «хоромы». Получался большой дом, в котором теплые помещения чередуются с «летниками». Сени отличались от комнат тем, что в них не ставились печи и окошки прорубались маленькие. Общий вид «боярских хором», согласно Забелину, таков: «хоромы состояли преимущественно из трех этажей: внизу подклеты, в среднем житье или ярусе – горницы, повалушки (комната, специально пристроенная с фасада и выполнявшая роль зала, светлицы);верху – чердаки, терема, вышки»²⁶.

Принцип "соборного" строительства, при котором отдельные комнаты «собираются» – соединяются сенями – позволял произвольно расширять дом по мере надобности. Например, зимний деревянный дом Д.Н. Толстого сначала состоял из 5 комнат, а затем, одна за одной, были пристроены еще три²⁷. В мемуарах упоминается два типа такой постройки. Один – «двоенка» – две избы, соединенные сенями, стоящие прямо на земле²⁸. Дом другого типа был у помещицы А.Н. Нестеровой – старинный, построенный на подклете и из необработанных дубовых бревен в сажень вышиной и с тесовой крышей. Семь комнат образовались при соединении теплых горниц холодными сенями прихожая, передняя, лакейская, зала, гостиная, спальня и девичья, выходящая на заднее крыльцо²⁹.

Место постройки определялось в первую очередь хозяйственными нуждами. Болотов, описывая жилище своего соседа и недруга Рахманова, упоминает, что дом его был на косогоре «в прескверном месте и не значащем ничего»³⁰. Дом родителей его невесты Кавериных точно также стоял на косогоре, то есть в месте, неудобном для сельских работ. Такой дом не имел никакого вида, потому что был весь окружен служебными постройками, да и строился без специального плана. Старые помещичьи дома были «не светлы»: маленькие двери и окна, темные сени, прокопченные стены и потолок придавали им вид почти что курной избы.

²⁶ ЗАБЕЛИН И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. М. 1990., С. 65.

²⁷ ТОЛСТОЙ Д.Н. Указ. соч. С. 28.

²⁸ БОЛОТОВ А.Т. Указ. соч. Т. 2. С. 242.

²⁹ СЕЛИВАНОВ В.В. Указ. соч. Т. 1. С. 131.

³⁰ БОЛОТОВ А.Т. Указ. соч. Т. 2. С. 335.

С появлением указа «О вольности дворянства» и последовавшими отставками дворян, с их переездом в деревню, все изменилось. Началось обширное строительство. Новые дома отвечали совершенно иным представлениям о роли помещика в деревне. Место для нового дома выбиралось открытое: лучше всего на вершине холма, вблизи реки и в некотором отдалении от деревни. Дом должен был давать представление о хозяине, и лучше — издалека, с самых границ его владений. Поскольку дворянин и в деревне теперь вел жизнь светскую, открытую, то и дом его был открыт для взглядов. Им и окружавшим его парком полагалось любоваться. Эстетическая функция дома явно возобладавала над хозяйственной. Дом теперь отделялся от служб и строился по плану.

В 70-е годы XVIII века деревянные (чаще всего из дуба или сосны) помещичьи дома стали штукатурить: набивали на стены дранку и покрывали ее раствором из извести, глины и муки³¹. По высохшей штукатурке дом покрывался краской. Дома строились из дерева: это было и дешевле, и быстрее. Кроме того, каменный дом трудно было хорошо протопить дровами. В каменных домах богатые помещики жили только летом, а с приближением холодов переселялись в деревянные³². Так, Бутурлины, прежде жившие в деревне исключительно летом, но решив остаться в своем любимом Белкине на зиму, отстроили себе большой деревянный двухэтажный дом, «так как большой каменный дом не предназначался никогда для подобного случая»³³.

Дом должен был выполнять одновременно две функции: представительскую (как место светских развлечений) и бытовую (быть удобным для жилья). В некоторых случаях первую роль играл каменный дом, вторую — деревянный. В других — старый и новый, как у помещика Кошкарева в селе Верякуши. Там по берегам пруда стояли два дома: старый, в котором жил сам помещик, и новый, гораздо лучше устроенный и меблированный. В нем не жили, а только принимали гостей³⁴. А вот у помещика Сербина один дом делился на две половины: зимнюю и летнюю и при этом, как пишет мемуарист, «никаких других особенностей не было, ни паркетных полов, ни богатой мебели, ни дорогих обоев»³⁵.

В усадебном доме выделились, обычно «парадные покои». Их было минимум два: зала для танцев и гостиная, она же, при необходимости, парадная столовая³⁶. Полный комплект парадных помещений включал еще буфетную, кабинет хозяина дома и будуар его жены.

Парадные помещения значительно отличались от жилых: в них были большие окна и паркетные полы, часто составлявшие особую гордость хозяев. Стены и потолок обивались шпалерами. Обязательным оформлением парадных комнат была живопись. Это могла быть роспись «красками на клею»³⁷, выполненная домашними художниками (чаще всего крепостными) или развешанные по стенам гравюры, по вкусу хозяина изображавшие виды природы, охотничьи или батальные сцены³⁸. Гравюры были в большом ходу. Даже у мелкопоместных дворян, чей дом не был оштукатурен и не имел даже деревянной тесовой крыши (обходились соломенной), в гостиной обязательно висели картинки, изображавшие «кавалеров», «дам в чепцах», архиереев и Ермака.³⁹

³¹ Из письма Баратынского: «Дом отделан вполне: в два этажа, столпы обштукатурены, полы выкрашены, крыт железом». -БАРАТЫНСКИЙ Е.А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М., 1987. С. 305.

³² ТОЛСТОЙ Д.Н. Указ. соч. С. 28.

³³ БУТУРЛИН М.Д. Указ. соч. // Русский архив. 1897. № 3. С. 407.

³⁴ Помещичья Россия по запискам современников. М., 1911. С. 137.

³⁵ СТО ОДИН. Дед мой помещик Сербин. // Русский вестник. Т. 120. 1875. № 11. С. 70.

³⁶ МАКАРОВ М.И. Черты из жизни русских дворян в конце XVIII в. // Московский наблюдатель. 1836. Ч. IX. С. 249.

³⁷ БЛАГОВО Д. Указ. соч. С. 22.

³⁸ МАКАРОВ М.И. Указ. соч. С. 255.

³⁹ КИРЕЕВ М.Н. Записки. // Русская старина. 1890. № 7. С. 55.

Парадные помещения были связаны исключительно со светской жизнью, предназначались для бала и приема гостей в торжественные дни. Размещались они на первом этаже в фасадной части, окнами в английский или голландский парк. Из парка или с подъездной дорожки в парадные покои вело парадное же крыльцо дома. Вдогонку уходящему стилю барокко дома во II половине XVIII века строились по «анфиладному принципу» (как Версаль или Зимний дворец): все парадные помещения размещались в линию, при необходимости их двери широко раскрывались, и весь первый этаж становился одним большим вытянутым залом.

Анфиладное строение дома – необходимая прихоть. Для жизни эти помещения крайне неудобны: в них гуляют сквозняки, прогреть их не может ни одна печь, поэтому печи в них часто и не ставили, кроме того, чтобы пройти в какую-то комнату, находящуюся в другом крыле здания, надо было миновать все остальные.

Из письма Баратынского:

«Мы столь мало рассчитывали на чьи бы то ни было посещения, что в нанятом нами большом доме, построенном на старинный лад (следовательно, крайне неудобном расположением комнат), мы оставили только черный ход – и для того, чтобы спастись от сквозняков, и чтобы разместить наших людей».⁴⁰

Необходимость анфиладной постройки диктовалась (помимо моды) одним обязательным элементом жизни дворянского общества – танцами. Менует и сменивший его полонез – танцы, обязательно открывавшие бал – требовали большого пространства. Бравурной мазурке конца XVIII века тоже нужно было много места.

Вальс, ставший главным танцем в начале XIX века, а также спокойный, томный вариант мазурки и полный фантазий котильон позволили обходиться для танцев одной просторной залой, что в соединении с вошедшим в моду классицизмом диктовало иные архитектурные формы. Оставаясь двухэтажным, дом становился кубическим, купол возвышался над залой и классическим портиком парадного крыльца, наложенным на плоскость фасада. Разместившаяся в центре зала и примыкающие к ней другие помещения позволили сделать дом более компактным, удобным и дешевым. Дешевизны отнюдь не стеснялись, и даже такой крупный деятель, как московский генерал-губернатор князь Д.В. Голицын, отстроил себе в 1820-х годах в селе Рождественском дом и два флигеля «небольшие и аккуратные»⁴¹. Флигель стал обязательным элементом классицистической усадьбы. Как правило, их было два – в линию с домом или вынесенные вперед, создавая пространство для небольшого парка. Во флигелях размещались приехавшие надолго гости или наемные слуги – учителя, управляющие, художники.

Помимо парадных, которые часто в обычное время были заперты на ключ, в доме были собственно жилые помещения – для господ и прислуги. Из господских помещений «мужской» части дома выделим кабинет. В деревенской жизни помещика он играл особую роль, в наибольшей степени отражая характер, вкусы и привычки хозяина. В нем занимались делами: выслушивали доклады управляющего и старосты, вели хозяйственные записи. У охотника стены кабинета украшали оружие и трофеи, у любителя ученых занятий – библиотека. Кабинет служил местом отдыха и «мужских бесед» с пуншем и чубуками в креслах у камина. Кстати, в кабинете чаще, чем в других комнатах ставили камин. Братья Муравьевы в 1812 году, направляясь в армию, завернули в родное поместье:

«Мы поместились в отцовском кабинете, приказали принести большой запас дров и. во все время пребывания наше в деревне, содержали неугасаемое пламя в камине...»⁴².

⁴⁰ БАРАТЫНСКИЙ Е.А. Указ. соч. С. 285.

⁴¹ БЛАГОВО Д. Указ. соч. С. 179.

⁴² МУРАВЬЕВ-КАРСКИЙ Н.Н. Указ. соч. С. 81.

Рядом размещалась бильярдная. Во многих помещичьих домах курить дозволялось только в кабинете и бильярдной. Если же в кабинете помещали диван или складную кровать, он становился и спальней, превращаясь, по сути, в «жилую комнату» помещика.⁴³

«Женская» часть дома была более функциональна, «служебна», чем «мужская». Отчетливо светский характер будуара (что «прилично» более в городском доме, чем в сельском) приводил к его замене более простой гостиной, а чаще всего будуар в усадьбе вообще отсутствовал. Поскольку в те времена спали за ширмами, или в кровати с пологом, днем спальня выполняла функцию гостиной⁴⁴. Здесь хозяйка дома принимала «своих» гостей, чаще всего – соседок, приезжавших в гости «запросто» – без мужа, одна или с детьми. Сюда же уходили дамы после парадного обеда на то время, пока мужчины собирались, со своими бокалами и трубками, в кабинете.

Вторым после спальни обязательным помещением «женской» части дома была девичья – комната женской прислуги. В девичьей принято было устраивать своеобразную мастерскую, где пряли, вышивали или плели кружева. Девичья, как правило, выходила на заднее крыльцо, поближе к службам.

Из многочисленных подсобных помещений богатого дома в обычных постройках сохранялись четыре: сени, прихожая, лакейская (место расположения мужской прислуги) и чулан. На втором этаже дома и в мезонине находились помещения для детей, а также комнаты для няни, гувернеров, учителей. Там же размещали гостей, если при доме не было флигеля. Все помещения второго этажа отличались меньшими размерами, потолки в них были пониже, а окна – поуже.

Обстановка дома начиналась с печей. В конце XVIII века старые «голландские» печи с расписными изразцами и латунными узорными заслонками уходили в прошлое и заменялись кирпичными, раскрашенными⁴⁵. Печи топили по утрам, до того как встанут господа, и сохраняли жар до двух и даже до трех часов ночи⁴⁶. Мебель подбиралась в зависимости от назначения помещений. Парадные покои старались обставлять в едином стиле, но просто (если не брать загородные дворцы магнатов). У князя Голицына мебель была березовая, покрытая тиком, у графа Бутурлина мебельная обивка была белой с синими полосками⁴⁷. В жилых помещениях мебель была «сборная», составленная из предметов разных времен и стилей. Стояли диваны, кресла, большой обеденный стол и несколько малых, комоды с посудой и обязательные сундуки с одеждой и прочим добром.⁴⁸

Но усадьба – это не только дом. Она была целым миром, где важен был не только комплекс построек, но и ландшафт. Вот два свидетельства первого десятилетия XIX века. Д.Б. Мертваго, уходя в отставку, покупает себе имение под Клином за 135 тысяч рублей: «Огромный каменный дом, большой сад, оранжереи и прочее великолепии»⁴⁹. С.П. Жихарев, прожив в семействе Архаровых, записывает в дневнике: «Славное село подмосковное Иславское! Во-первых, на реке, сад боярский, аллеи с трех концов, оранжереи и пропасть разных затей»⁵⁰.

Что же было в усадьбе? Во-первых, хозяйственные постройки: сараи, амбары, конюшни, птичий и скотный дворы, кухня, а иногда отдельные избы для семейных дворо-

⁴³ СЕЛИВАНОВ В.В. Указ. соч. Т. 1. С. 121.

⁴⁴ Помещичья Россия... С. 139.

⁴⁵ БОЛОТОВ А.Т. Указ. соч. Т. 2. С. 242.

⁴⁶ Письма сестер Вильмот... С. 234.

⁴⁷ БУТУРЛИН М.Д. Указ. соч. С. 407.

⁴⁸ СЕЛИВАНОВ В.В. Указ. соч. Т. 1. С. 131.

⁴⁹ МЕРТВАГО Д.Б. Записки. 1760–1824. М., 1867. С. 297.

⁵⁰ ЖИХАРЕВ С. П. Указ. соч. С. 243.

вых⁵¹. Все это помещалось на «заднем дворе» и не то чтобы на заднем плане, а вообще вне «картинки» усадьбы, если, конечно, помещик не хотел специально продемонстрировать свои успехи, как «рачительного хозяина» заботливого «отца семейства». Тогда дворовые службы являлись предметом его особой гордости, туда водили гостей и за их видом специально следили.

Во-вторых, фруктовый сад и оранжерея, которая часто пристраивалась к дому и играла совершенно особую роль в жизни помещиков. Регулярный сад, то есть тот, за которым следили и постоянно ухаживали, мог быть разбит на отделения: вишневое, грушевое, сливовое, малиновое и т. п.⁵² Он служил фоном усадебным постройкам, видом из окон; был местом постоянных прогулок весной и летом (осенью-зимой его заменяла оранжерея). Одновременно сад был большим подспорьем в хозяйстве, а иногда и источником дополнительного дохода от продажи в городе фруктов и ягод.

Чисто декоративным был регулярный парк, с цветниками. Липовые, дубовые, вязовые, кленовые аллеи расходились от дома. Река, пруд, роща и поляны порой «подправлялись» архитекторами и садовниками, в соответствии со вкусами эпохи и пожеланиями хозяев. Этот живописный пейзаж дополняли беседки и павильоны.

А.Т. Болотов, чья деятельность «образцово-показательного» помещика оказала значительное влияние не только на соседей, но и на всю усадебную культуру эпохи, начал преобразование своей усадьбы на новый лад с трех главных дел: он перестроил старый дом, разбил новый регулярный сад и поставил «под группую случившихся тут берез» беседку «прозрачную, из дуг и столбов сделанную». Только после этого он счел для себя возможным играть свадьбу⁵³.

Усадебный парк, от середины XVIII века, к первой четверти XIX-го, менялся от голландского к английскому, а затем к натуральному (романтическому).

Еще одна примета усадебного пейзажа – церковь. Усадебная церковь была предметом постоянных забот помещика. Убогий храм или старая часовенка в богатом поместье была явным признаком гражданской несостоятельности дворянина и свидетельством непозволительного эгоизма. Большинство помещиков, по внутренней потребности и так понимая государственный долг, старались вовремя подновить и украсить здание церкви, содержать ее в порядке, используя мастерство местных умельцев. Так, выучившийся на архитектора крепостной крестьянин помещиков Хлюстовых П.И. Гусев получил первые заказы: перестроить церкви в их поместьях – селах Троицком и Тросне, и в селе их родственника графа Я.И. Толстого Шатове. Заказ же на светские постройки был прост – только «увеселительные беседки и домики»⁵⁴.

⁵¹ КРАТИРОВ П.Ф. Каширский помещик второй половины XVIII в. // Тульская старина. Вып. 3. Тула. 1899. С. 49; Помещичья Россия... С. 137; БОЛОТОВ А.Т. Указ. соч. Т. 3. С. 69.

⁵² КРАТИРОВ П.Ф. Указ. соч. С. 49.

⁵³ БОЛОТОВ А.Т. Указ. соч. Т. 2. С. 283.

⁵⁴ Щукинский сборник. Вып. 2. М., 1903. С. 184–185.

Очерк III Дворян

Приезжавших в Россию иностранцев поражало огромное количество слуг. Перенасыщенность барской жизни услугами, дробность и мельчайшая проработанность этих услуг, казались карикатурой.

Ирландка Марта Вильмот в 1803 году пишет домой:

«Подниматься по лестнице без помощи слуг русские дамы считают ниже своего достоинства. Поверьте, я не преувеличиваю, рисуя такую картину: два напудренных лакея почти несут леди, поддерживая ее под лилейные локотки, а позади следуют еще двое с шальями, солопами»⁵⁵.

В чиновной России, где положение в обществе определялось, прежде всего, местом в служебной иерархии, где еще совсем недавно дворян пороли точно также, как и простых, «подлых» людей, увеличение числа слуг было самым простым и дешевым способом утвердить свой общественный статус, подчеркнуть свое достоинство. Обладание дворней в огромной мере компенсировало отсутствующее в России уважение к личному достоинству человека.

Болезненное увлечение количеством слуг и роскошью экипажей заставило Екатерину II издать специальный манифест, которым покррой ливрей для лакеев и их оформление, ставились в зависимость от чина дворянина. Неслужащим дворянам вообще не полагались ливрейные лакеи. Младшим чинам (до майора в армии и до коллежского асессора в гражданской службе) не разрешалось нашивать кант на ливреи слуг. Лакей майора или подполковника мог обшивать кантом только воротник и обшлага ливреи, а кант по всем швам полагался только лакеям особ двух высших классов в Табели о рангах. За нарушение этого правила полагался штраф, «в размере высшего оклада того класса, который он себе присвоил», одев слугу неподобающим для чина хозяина образом⁵⁶.

Ливрейные лакеи сопровождали господ во время визитов, стоя на запятках кареты, помогали преодолевать три ее складные ступеньки, «принимали» шубу или шинель. В доме помещика ливрейные лакеи «оформляли» собой лестницы: ведущую ко входу в дом и вторую – в бальную залу. Они помогали раздеваться гостям и прислуживали за обедом. В XVIII веке ливрее сопутствовали парик, чулки и башмаки. В начале XIX века, когда в моду вошел фрак, лакеев переодели: они получили синие фраки и белые галстуки (в отличие от черных или цветных галстуков своих господ)⁵⁷. Но пожилые дворяне сохраняли верность традициям ушедшего века, наряжая своих лакеев в расшитые золотым позументом ливреи и напудренные парики.

Лакеи – самая заметная часть дворни, но отнюдь не самая большая, а в усадьбе и не самая важная. Весь штат слуг помещика можно разделить на несколько категорий в зависимости от того, к чему дворовые люди были приставлены: к господину, дому, конюшне или хозяйственным службам.

Личные слуги – это камердинеры и подкамердинеры у взрослых мужчин, горничные у дам, дядьки и няньки у детей. Личный слуга заботился о гардеробе своего барина. Он сопровождал помещика в дороге и заботился о его туалете. Камердинер – самая близкая к

⁵⁵ Письма сестер М. и К. Вильмот... С. 231.

⁵⁶ ЯБЛОЧКОВ М. История дворянского сословия в России. СПб., 1876. С. 563.

⁵⁷ БУТУРЛИН М.Д. Указ. соч. // Русский архив. 1897. № 2. С. 401.

барину фигура, часто – доверенное лицо и хранитель кошелька. Камердинеру часто помогал «казачек» (или «малый», «мальчик»).

Главная должность среди усадебной прислуги – дворецкий. Он домашний управитель, в его распоряжении находились лакеи и вся прочая мужская прислуга. На женской половине роль лакеев выполняли «сенные девушки» или просто «девки». Нянька госпожи, или одна из ее горничных назначалась над ними старшей. Общим для лакеев и горничных занятием было поддерживать чистоту в доме, но далее их функции разделялись. Функции лакеев – представительские. Они докладывали о приезде гостей, прислуживали во время обедов и званых вечеров. Сенные девушки большую часть дня занимались подсобным трудом: сидя в девичьей, пряли, вышивали, вязали чулки, плели кружева⁵⁸. Отсюда и разница в облике. Дворецкий с лакеями – витрина дома.

В условиях деревенской свободы их одевали не в ливреи, а в полувоенные мундиры, например такие: «темно-зеленые казакины домотканого сукна и подпоясанные красненькими шерстяными кушачками, вроде пояса; волосы обстрижены были в кружок, а на ногах, вместо сапог, носили волосники... род лаптей сплетенных из волоса конского хвоста: сами и плели»⁵⁹. Сенные девушки носили обычный деревенский наряд.

Помимо лакеев и горничных, в домашнем штате числились повар (или кухарка), повара, буфетчик (он хранил, сервировал и подавал вино и водки) и кондитер, отвечающий за пироги и сладкие блюда. К конюшне были приставлены кучера, фореиторы (маленького роста мужчины или подростки, сидевшие при выезде цугом на одной из передних лошадей) и собственно конюхи.

При небольшом количестве крепостных крестьян, должности дворовых могли совмещаться, но ниже определенного количества слуг помещик не мог опуститься, не рискуя потерять уважение окружающих. Минимальный хозяйственный штат составляли: садовник, ключник и дворник, дополняемые (при наличии желания и средств) каретниками, кузнецами, плотниками другими специалистами, из тех, что могли пригодиться в усадьбе.

В некоторых поместьях для семейных дворовых рядом со скотным двором ставили избы – одну на две-три семьи. Им выдавали «месячину» – запас продуктов на месяц. Холостые дворовые жили в барском доме. Спали они, не раздеваясь, «на войлоках с подушками, сплюснутыми как блин, покрытые кое-чем»⁶⁰. Лакейская, она же людская, была, пожалуй, самым неопрятным помещением в доме, поскольку там круглые сутки находились 5 -10 игнорирующих гигиену мужчин. По замечанию одного въедливого мемуариста, «запах лука, чеснока и капусты мешался тут с другими испарениями сего ленивого и ветреного народа»⁶¹.

Полный штат прислуги мог себе позволить далеко не каждый помещик. Вот пример очень бедной семьи помещиков Одинцовых, живших в селе Бабаево Каширского уезда. Сам Алексей Иванович Одинцов, капитан-лейтенант в отставке, крепостных не имел. Жена его владела пятьюдесятью душами. Их дворню составляли две сенные девушки, мальчик, староста, он же кучер и кухарка⁶². Зато уж богатые могли себе позволить все, чего душа пожелает, например домашнего парикмахера или скорохода-рассыльного. Часто даже при небольшом штате лакеев из них составляли хор или оркестр. По свидетельству помещицы Яньковой «у людей достаточных и не то чтобы особенно богатых бывали свои музыканты и песенники, ну, хоть понемногу, а все-таки человек по десяти»⁶³. Хор сопровождал помещика в дороге и

⁵⁸ СЕЛИВАНОВ В.В. Указ. соч. Т. 1. С. 74.

⁵⁹ Там же. С. 34.

⁶⁰ Там же. Т. 2. С. 148.

⁶¹ ВИГЕЛЬ Ф.Ф. Записки. Т. 1. М. 1928. С. 145.

⁶² ОДИНЦОВ А.А. Посмертные записки. // Русская старина. 1889. № 11. С. 294.

⁶³ БЛАГОВО Д. Указ. соч. С. 43.

на охоте, развлекал гостей во время обеда. Ну а деревенское празднество без хора также не представимо, как городской бал без оркестра и карт.

Хор и оркестр, а лучше того – крепостной театр был особым знаком богатства и самоуважения. Тот же язвительный мемуарист – Ф.Ф. Вигель – как-то заметил:

«Более из тщеславия, чем из охоты, многие богатые помещики составляли из крепостных людей своих оркестры и заводили целые труппы актеров, которые, как говорили тогда в насмешку, ломали перед ними камедь. Когда дела их расстраивались, они своих слуг заставляли в губернских городах играть за деньги»⁶⁴.

В то время как в Европе между слугой и господином уже давно утвердились партнерские взаимоотношения (права и обязанности каждого устанавливались соглашением), в России дворянства была явлением оригинальным, сложным и запутанным. С одной стороны, рубеж XVIII–XIX веков – это время почти абсолютной власти помещика над своими дворовыми, а значит, и самого грубого и низкого злоупотребления этой властью. С другой стороны, помещики так привыкли считать дворню инструментом для достижения своих желаний, что практически разучились без нее обходиться, а зачастую подпадали под влияние своих дворовых людей. Возникали своего рода семейные отношения. В идеале дворовые должны были не просто слушать своих господ, но почитать их и даже любить, помещики же – отечески заботиться о своих людях и по-отечески их «учить». Ниже следуют два примера близких к этому идеалу взаимоотношений помещиков и их слуг.

Д. Бутурлин, обманутый недобросовестными партнерами, готов был подписать документ, который почти наверняка привел бы его к полному разорению. Его крепостной слуга, прекрасно видя все последствия этого шага, умчался в Воронеж, где гостила жена помещика, ворвался в дом, где был бал, и увез Л. Бутурлину в поместье к мужу, где ей удалось расстроить авантюрную сделку⁶⁵.

Журналист А. Слепцов передает трогательную историю о двух сестрах 16 и 17 лет, которые потеряли родителей и остались в своем поместье совершенно одни. Заботу о сиротах взяли на себя старухи-крепостные. Сначала они отыскиали и поселили в доме сестер их дальнюю родственницу, а затем старшей нашли порядочного жениха – сорокалетнего вдовца, майора Слепцова⁶⁶.

Своего рода «семейные» отношения проглядываются во всех сторонах поместного быта. Скажем, иностранку Вильмот поразила «такая манера»: при входе в барские покои слуги не стучатся, и, следовательно, могут застать бар в любой, может быть и не совсем удобной для постороннего глаза ситуации⁶⁷. Слуг не стеснялись, но не так, как не стесняются мебели, а так, как не стесняются своих домашних. Были, конечно, в подражание Европе, попытки дистанцироваться от слуг. В. Селиванов пишет о своем дедушке Павле Михайловиче, у которого лакеям полагается ходить неслышно и никогда не поворачиваться к господам спиной, но сам же мемуарист и оговаривается, что «у скромных деревенских помещиков это было необыкновенно»⁶⁸. Еще один показатель таких полусемейных отношений – широко распространенная грамотность дворовых. Архитектор П. Гусев, будучи крепостным мальчиком, ходил в специальную школу, заведенную помещиком Хлюстиным, чтобы своим детям «доставить образованных слуг»⁶⁹.

⁶⁴ ВИГЕЛЬ Ф.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 115.

⁶⁵ БУТУРЛИН М.Д. Указ. соч. // Русский архив. 1897. № 1. С. 229–230.

⁶⁶ СЛЕПЦОВ А. Из времен крепостного права. // Русский архив. 1892. № 2. С. 178.

⁶⁷ Письма сестер М. и К. Вильмот... С. 232.

⁶⁸ СЕЛИВАНОВ В.В. Указ. соч. Т. 1. С. 25.

⁶⁹ Щукинский сборник. Вып. 2. С. 168.

Такие близкие отношения постоянно омрачали сами слуги – своей ленью и пьянством. Пьянство дворовых – неотъемлемая примета помещичьего быта и «Божье наказание» помещиков. При большом количестве слуг, работы для каждого из них в доме помещика было в несколько раз меньше, чем, скажем, в обычной крестьянской семье. Ее было не сравнить с трудом в поле, на мануфактуре или даже работой купца, приказчика, управителя. Это сравнительное безделье и близость к водке в помещичьем доме развращали слуг. Н. Муравьев-Карский вспоминает эпизод, когда они с братьями, отправляясь в армию, заехали в отцовское пустующее поместье. От радости, что явились молодые господа, «к вечеру перепилась почти вся дворня, причем не обошлось без драк и скандальных происшествий, в коих нам доводилось судить ссорившихся и успокаивать шумливых убедительными речами»⁷⁰.

Колоритнейший персонаж – повар Дмитрий, купленный в Москве со всем семейством «за большие деньги» – фигурирует в записках А. Смирновой-Россет. Когда Дмитрий напиивался, он выбрасывал приготовленный обед на пол и грозился перерезать всех господ «как куриц». Оставшиеся без обеда господа жевали бутерброды и ждали окончания запоя, пока привязанного к дереву повара обливали холодной водой⁷¹.

Пьянство дворовых было главной причиной наказаний. К ним мы сейчас и перейдем. Но прежде отметим важную подробность: большое число фактических наказаний таковыми не считались ни юридически, ни морально. До середины XIX века наказания вообще применялись «по усмотрению» помещика, и лишь в 1845 году были приведены в систему с введением предельных норм: порка розгами – до 40 ударов, палками – до 15, арест – до 2-х месяцев и т. д.⁷²

До этого существовало два типа наказаний. Первый – с использованием государственной власти – ссылка в Сибирь или отдача в солдаты. Близко к этому стояла ссылка лентяев и пьяниц, как «вредных людей», в отдаленные поместья. Второй тип – домашние наказания. Причем «битье» дворовых, когда барин (а чаще барыня) мог щипать, таскать за волосы, давать подзатыльники и оплеухи, или, как помещица Шепелева, бить провинившихся девок башмаком, снятым с ноги, собственно наказанием не было⁷³. Это было частью все того же «семейного» отношения помещика к дворовым. Селиванов вспоминал, что тетушка его Варвара Павловна, «рассердившись на кого-нибудь из людей или девок, кричала, топала ногами, выходила из себя, и подчас била чем попало»⁷⁴. Но и обучая грамоте своих племянников, та же тетушка применяла «тумаки и трепки за волосы»⁷⁵.

Такое обращение с дворовыми было типично для середины XVIII века, но к концу его в высшем слое дворянства, связанном с двором и жизнью в столицах, оно постепенно изживалось, и выглядело уже неприличным. Граф М. Бутурлин писал, что уже его отец всех дворовых называл «голубчик», а в виде наказания только повышал голос⁷⁶. Вместе с тем справедливое наказание дворовых оставалось важной обязанностью помещика. Оно отличалось от простого «битья» и по содержанию и по форме. Во-первых, наказанию подлежали действительно серьезные проступки: пьянство, воровство, побег. Во-вторых, наказание, как это бывает и в государстве, отделялось от обычной жизни и соответствующим образом обставлялось. Наказывали в специально отведенных для этого местах – в углу двора, на конюшне, в особой комнате. Наказание сопровождалось наставлением и поучением.

⁷⁰ МУРАВЬЕВ-КАРСКИЙ Н.Н. Указ. соч. С. 81.

⁷¹ СМЕРНОВА-РОССЕТ А.О. Указ. соч. С. 36.

⁷² РОМАНОВИЧ-СЛАВАТИНСКИЙ А.В. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. Киев, 1912. С. 298–299.

⁷³ БЛАГОВО Д. Указ. соч. С. 96.

⁷⁴ СЕЛИВАНОВ В.В. Указ. соч. Т. 1. С. 99.

⁷⁵ Там же. С. 13.

⁷⁶ БУТУРЛИН М.Д. Указ. соч. // Русский архив. 1897. № 3. С. 423.

Самым распространенным наказанием была порка: розгами, батогами (палками), плетью, кнутом⁷⁷. Для пьяниц применялось особое наказание, сколь тяжелое, столь и позорное – «рогатка»: скрученному в три погибели человеку на шею привязывалась рогатина, концы которой упирались в землю⁷⁸. Самое же тяжелое наказание называлось по-разному: «стуло», «колода», «колодки». Колода – это большой и очень тяжелый обрубок дерева, цепь от которого заканчивалась ошейником и была настолько коротка, что прикованный к колоде не мог выпрямиться или ходить. Ему оставалось только сидеть. А для того, чтобы нельзя было наклонить голову, сверху у ошейника были острые спицы. К колоде приковывали на неделю или на месяц, разрешая на ночь подкладывать под спину подушку⁷⁹. Судя по всему, колода применялась крайне редко – только для пойманных беглецов, в назидание другим.

Это были если не официальные, то обычные наказания. Другие, о которых речь пойдет ниже, уже нельзя и назвать наказанием. Один из историков прошлого называл их «тиранством»⁸⁰. Полная власть помещиков над крепостными и отсутствие закона, ограничивающего формы и меры наказания, давали простор «изобретательности» помещиков в этой сфере, и наказания превращались в пытки, порой чрезвычайно изощренные. Примеров таких пыток не так уж много, но они настолько вопиющи, что давали повод обвинить в злодейских поступках все дворянство в целом. Знаменитая Дарья Николаевна Салтыкова – «Салтычиха», помещица села Троицкого Подольского уезда – помимо разнообразных методов порки и битья (скалкой, валиком, палкой и поленьями), придумала и такие способы наказания: бить о стену головой, или в октябре загонять сенных девушек кнутом в воду минут на 15. Ее патологическая страсть к пыткам привела к гибели за 10 лет более ста человек, в том числе и девочек 11–12 лет. Забивая своих людей до смерти, Салтычиха нарушала закон. И поэтому, несмотря на значительные усилия своих родственников «замять» дело, была наказана с максимальной для дворянки суровостью: лишена дворянства, на час прикована к позорному столбу с надписью «мучительница и душегубица» и пожизненно заточена в подземной келье московского Ивановского монастыря⁸¹.

Такая же участь через 70 лет, в 40-е годы XIX века, ждала другую помещицу, Евгению Ивановну Можарову: она запорола насмерть за пустяковые провинности несколько своих сенных девушек. Однако мужу удалось подкупить сенатских секретарей. Можарову объявили умершей, а дело закрыли⁸². Пытки же, не заканчивавшиеся смертельным исходом, уголовной ответственности не подлежали. Помещик мог, ничего не опасаясь, пороть девок, раздев их догола и привязав к кресту, «на сей предмет сделанному», как это делал помещик Петр Семенович Муравьев в своем селе под Лугой⁸³. Могли наказывать лакеев батогами «в две руки», как это любил делать помещик Маков в Вереysком уезде⁸⁴. Могли, как «одна важная барыня» (это записал со слов матери В. Одоевский), в мороз обливать девку водой и заставлять ходить по двору, при этом высываться из окна и приговаривать: «Что? каково? бестия! каково?»⁸⁵.

⁷⁷ КИЧЕЕВ П.Г. Из недавней старины. М. 1870. С. 79. Ср.: «По благому обычаю отец мой, разумеется, сек своих дворовых людей. еще и теперь слышу их вопли, как их драли на конюшне». -ПЕЧЕРИН В.С. Замогильные записки. // Русское общество 30-х годов XIX в. М., 1989. С. 151.

⁷⁸ БУТУРЛИН М.Д. Указ. соч. // Русский архив. 1897. № 3. С. 401.

⁷⁹ Помещичья Россия... С. 145.

⁸⁰ КИЧЕЕВ П.Г. Указ. соч. с. 80.

⁸¹ Там же. С. 13.

⁸² ЛИСТОВСКИЙ И.С. Из недавней старины. // Русский архив. 1884. Кн. 1. С. 223–229.

⁸³ МУРАВЬЕВ-КАРСКИЙ Н.Н. Указ. соч. С. 84.

⁸⁴ КИЧЕЕВ П.Г. Указ. соч. С. 96.

⁸⁵ ОДОЕВСКИЙ В.Ф. Текущая хроника и особые происшествия. Дневник. // Литературное наследство. Т. 22–24. М., 1935. С. 116.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.